

УДК 347.191.4, 347.72.036.2
DOI 10.52452/19931778_2025_1_96

ЗАЩИТА КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ ОТ ДЕЙСТВИЙ МНИМЫХ ОРГАНОВ

© 2025 г.

В.К. Левашов

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

vovl99@mail.ru

Поступила в редакцию 09.01.2025

Исследуется сложившийся в российской правоприменительной практике подход к защите интересов участников юридического лица от действий мнимых органов в части, определяемой проблемой соотношения внутренних интересов участников корпорации с внешними интересами контрагентов последней. Автор приходит к выводу, что используемые в российском правопорядке «вещные» правила не способствуют установлению надлежащего баланса этих интересов, порождают противоречия и неопределенности в гражданском обороте. Опираясь на зарубежный опыт, автор предлагает исключить наличие серьезных пороков в решении об избрании руководителя юридического лица из числа оснований для вывода о ничтожности совершенных таким лицом юридических действий; вместо этого автор предлагает уделять большее внимание учету осмотренности, которую проявило третье лицо при вступлении в правоотношения с юридическим лицом.

Ключевые слова: юридические лица, представительство, добросовестность, публичная достоверность, директор.

Одним из наиболее стабильных положений гражданского законодательства, практически в неизменном виде воспроизводящихся со времен принятия Гражданского кодекса 1922 года, в ст. 16 которого оно было впервые закреплено, является правило о том, что «юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом» (п. 1 ст. 53 ГК РФ [1]).

В соответствии с подп. «л» п. 1 ст. 5 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [2] (далее – Закон № 129-ФЗ) сведения о лице, имеющем право без доверенности выступать от имени юридического лица (далее также – директор, руководитель), размещаются в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ), данные в котором носят «открытый для всеобщего ознакомления» характер (п. 2 ст. 51 ГК РФ).

В таких условиях проблема определения субъекта, наделенного полномочиями выступать от имени юридического лица, а значит, и проблема защиты интересов участников от действий неуполномоченных субъектов выглядит совершенно решенной и не требующей дальнейшего изучения. Между тем практика применения законодательства о юридических лицах показывает, что эта проблема не исчерпывается внесением или извлечением сведений ЕГРЮЛ. Происходит это ввиду следующих обстоятельств.

Во-первых, правопорождающего (конstitutивного) значения факт внесения сведений в ЕГРЮЛ не имеет. Как было отмечено еще Президиумом ВАС РФ в постановлениях от 14.02.2006 № 12580/05, 14310/05 и 12049/05 [3], «закон не связывает возникновение либо прекращение полномочий единоличного исполнительного органа с фактом внесения в государственный реестр таких сведений». Законодатель, устанавливая обязанность в течение семи рабочих дней сообщить о смене руководителя (п. 5 ст. 5 Закона № 129-ФЗ) и предусматривая ответственность за несообщение или несвоевременное сообщение о данном событии (чч. 3, 4 и 5 ст. 14.25 КоАП РФ), стремится лишь минимизировать число и продолжительность случаев, когда информация в ЕГРЮЛ не будет соответствовать действительности. Действительность же характеризуется тем, что право избирать директора относится к компетенции высшего органа корпорации (абз. 5 п. 2 ст. 65³ ГК РФ), а значит, правопорождающим фактом, свидетельствующим для третьих лиц о наличии у определенного лица полномочий выступать от имени юридического лица, является само решение об избрании, в том числе удостоверенное, как то предписывает законодатель для хозяйственных обществ (п. 3 ст. 67¹ ГК РФ), нотариусом или регистратором. Однако даже публичная достоверность актов нотариуса (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ [4], ч. 5 ст. 69 АПК РФ [5]) – не признаваемая, впрочем, судебной практикой, допускающей преодоление нотариального акта

без проведения самостоятельного процесса об обжаловании такового [6, п. 15], – не позволяет быть уверенным в действительности всякого решения, так как свойство публичной достоверности, по смыслу закона, не может распространяться ни на акты регистратора, ни на прочие способы удостоверения решений, которые участники обществ с ограниченной ответственностью могут определить в качестве достаточных для себя (пп. 3 п. 3 ст. 67¹ ГК РФ).

Во-вторых, сведения в ЕГРЮЛ, несмотря на декларативный характер, должны, по буквальному смыслу текста закона, обладать свойством публичной достоверности, ведь закон прямо закрепляет, что третьи лица вправе исходить из соответствия действительности данных ЕГРЮЛ, запрещая юридическому лицу (его участникам) ссылаться на данные, не включенные в реестр, а также на недостоверность данных, содержащихся в нем, если последние были включены по воле юридического лица (абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ); только лицо, которому было известно о несоответствии действительности размещенных в ЕГРЮЛ данных (недобросовестное лицо), не может противопоставить сведения из ЕГРЮЛ юридическому лицу. Между тем судебная практика иначе толкует данную норму, выделяя в качестве исключения из правила о публичной достоверности реестра не только случаи недобросовестности, но и случаи включения в ЕГРЮЛ сведений в результате неправомερных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица (абз. 2 п. 22 и абз. 2 п. 122 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) от 23.06.2015 № 25 [7] (далее – Постановление № 25)). Таким образом судебная практика помещает всех, в том числе добросовестных, контрагентов юридического лица в неравное положение по сравнению с участниками последнего, так как если действие первого исключения предсказуемо, поскольку недобросовестность всегда устанавливается на момент вступления в правоотношения исходя из поведения самого контрагента, то второе исключение практически не поддается внешнему учету.

В-третьих, в силу п. 1 ст. 182 ГК РФ представителями юридического лица могут быть не только его органы, но и иные лица, чьи полномочия могут как основываться на выданной им доверенности (ст. 185 ГК РФ), так и возникать из иных обстоятельств. По подсчетам исследователей, можно выделить до шести типов представителей у всякого юридического лица, в зависимости от того, какой факт лежит в основании того или иного представительства [8, с. 94]. В рамках настоящей статьи мы, однако, сосре-

доточим свое внимание только на представительстве директоров и (ограниченно) тех, чьи полномочия явствуют из обстановки.

Рассмотрим же подробнее: 1) каким образом в нашей стране в настоящее время практикой высших судебных инстанций определяется соотношение «внешних» интересов контрагентов юридического лица и «внутренних» интересов участников последнего в случае появления мнимого представителя; 2) каким образом обозначенная проблема решается в законодательстве некоторых иных стран – и попробуем 3) сформулировать рекомендации по совершенствованию правоприменения в этой области.

Основополагающим для формирования воззрений по интересующему нас вопросу было Постановление Президиума ВАС РФ от 18.12.2007 № 10665/07 [9], в котором предпринята попытка ответить на вопрос, какие обстоятельства могут свидетельствовать о том, что конкретное имущество выбыло помимо воли юридического лица, то есть какое имущество может быть истребовано от третьих лиц независимо от их добросовестности (п. 1 ст. 302 ГК РФ). ВАС РФ решил, что поскольку «выбытие имущества из владения юридического лица является следствием не одного только юридического акта (решения собрания, договора и т.п.), но и конкретных фактических действий того или иного лица», постольку судам необходимо учитывать «наличие в обществе корпоративного конфликта» и постольку «установление порока воли на выбытие имущества возможно лишь при определении надлежаще управомоченного лица, которое согласно учредительным документам и действующему законодательству вправе от имени юридического лица совершать действия, направленные на выбытие имущества из его владения».

В дальнейшем изложенный подход нашел отражение в постановлении от 2 июня 2009 г. № 2417/09 [10], которым было подтверждено, что отчуждение имущества считается совершенным помимо воли юридического лица, если отчуждение производится лицом, избранным единоличным исполнительным органом без участия в общем собрании иных участников общества с ограниченной ответственностью, которым в совокупности принадлежало 54,5% долей в уставном капитале. Эти обстоятельства, как сказано в постановлении, свидетельствуют о том, что «корпоративные решения участниками общества в действительности не принимались, свою волю на выбытие имущества из владения общества ни участники, ни органы юридического лица не выражали», то есть «выбытие имущества произошло помимо воли общества».

В определении от 25 октября 2022 года № 305-ЭС22-12747 по делу № А40-14621/2021, вошедшем в п. 13 Обзора судебной практики № 1 (2023) [11], ВС РФ данную позицию поддержал, не найдя необходимым вносить в нее какие-либо коррективы.

В целом этот подход можно охарактеризовать как отражение исторически присущего отечественному праву строгого разделения органов управления всякого юридического лица на волеобразующие (например, общее собрание участников) и волеизъявляющие (один из которых – единоличный исполнительный орган). В силу этого подхода участники корпорации как носители интересов последней образуют в силу закона именно волеобразующий орган (п. 1 ст. 65³ ГК РФ) и могут действовать от имени корпорации, только если были включены в состав волеизъявляющего (исполнительного) органа или были уполномочены последним. В иных же случаях, как было указано в уставе одного из первых в России акционерных обществ, «ни один Акционер лицом своим не может иметь влияния ни на действия Совета, ни на занятия приказчиков и прочих служителей общества. Право сие принадлежит только Общему Собранию акционеров» [12, с. 488 (ст. 23)].

При этом, как справедливо писал Б.Б. Черепакхин [13, с. 470], «волевым актам руководящего органа юридического лица, представляющего последнее во внешних отношениях, в том числе при совершении сделок, предшествуют и сопутствуют волевые акты внутреннего характера... этими актами обеспечиваются экономические предпосылки внешних волевых актов». С этой точки зрения, подход высших судебных инстанций только подтверждает, что «волю корпорации формируют конкретные участники», вследствие чего без учета этого обстоятельства нельзя «разобраться в правоотношениях и взаимодействиях, складывающихся в действительности» [14]. Отсутствие соответствующей легитимации в виде, например, принятого уполномоченным органом решения об избрании руководителя организации (поскольку таковое вовсе не принималось или хотя и было принято, но является в силу тех или иных обстоятельств ничтожным) уже само по себе свидетельствует о наличии потенциальной или реальной опасности для корпоративных интересов участников в случае осуществления мнимым директором какой-либо деятельности, почему стремление защитить их интересы представляется понятным.

Вместе с тем одно дело, когда интересы участников предлагается защитить при помощи таких средств, как обращение с требованиями о возмещении причиненных корпорации действи-

ями мнимого руководителя убытков (ст. 53¹ ГК РФ), привлечение мнимого руководителя к ответственности в соответствии с нормами иного законодательства (например, трудового или уголовного), а также посредством аннулирования соответствующих сделок при наличии (должного) знания контрагента о недобросовестности действий представителя организации (абз. 2 п. 2 ст. 51, абз. 4 п. 1 ст. 72, ст. 173¹ или ст. 174 ГК РФ).

Совсем иначе, однако, следует смотреть на ситуацию, когда интересы участников предлагается поставить выше интересов добросовестных третьих лиц. Используемая как оправдание ссылка на «ограниченную принципом достоверности реестра» ст. 183 ГК РФ [15, с. 275] только усиливает сомнения в обоснованности такого подхода, ведь он явно приводит к ситуации, о которой справедливо высказывается В.А. Болдырев [16]: «оговорка об исключении из правила о публичной достоверности... сводит на нет значение самой нормы, которая могла бы стать эффективной гарантией стабильности гражданского оборота, интересов добросовестных контрагентов в случае совершения сделок от имени юридических лиц "лжедиректорами", особенно в процессе так называемых рейдерских захватов».

В свете этого не представляется удивительным, что, хотя в научной среде были те, кто понял действительный смысл приведенных постановлений [17] и постарался защитить этот смысл от возможной критики [18], в целом подход высших судебных инстанций не был в полной мере понят и принят. Многие исследователи либо считали, что какой-то определенный подход еще не был предложен [19, 20], либо приходили на основании приведенных постановлений к прямо противоположным выводам [21].

В настоящее же время, когда на уровне ВС РФ продвигается доктрина отождествления устава юридического лица с договором простого товарищества, в связи с чем предписывается при рассмотрении соответствующих вопросов осуществлять учет «существа законодательного регулирования товарищеского соглашения» [22, п. 15], достаточно странно выглядит игнорирование Верховным Судом правил п. 4 ст. 1044 ГК РФ, устанавливающего не только действительность совершенных вышедшим за пределы своих полномочий товарищем сделок, но и возможность требовать возмещения произведенных им за свой счет расходов, «если имелись достаточные основания полагать, что эти сделки были необходимыми в интересах всех товарищей», в то время как прочие товарищи могут лишь требовать возмещения причинен-

ных им таким выходом за пределы полномочий убытков.

Это тем более странно, что в другом случае существо данного правила Верховным Судом учитывается. Так, в п. 14 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах [23] указано, что суд может «отказать в признании решения общего собрания, не получившего необходимого большинства голосов, недействительным в том случае, если будет установлено, что участник, без голосов которого решение не может быть принято, без уважительных причин уклонялся от участия в собрании и препятствовал принятию общим собранием участников значимых хозяйственных решений, отсутствие которых существенно затруднило деятельность общества». Как видно, в данном случае ВС РФ не находит, что отсутствие необходимого кворума (большинства голосов) «равносильно отсутствию коллегиального органа как субъекта изъявления воли юридического лица», делая прямо противоположный вывод. Причем важно, что из сути позиции ВС РФ следует, что конвалидация ничтожного решения происходит не с момента вступления в силу соответствующего решения суда (как это происходит, например, в ситуации, когда сделка совершается недееспособным гражданином (п. 2 ст. 171 ГК РФ)), а с момента принятия самого спорного решения, исключая тем самым его недействительность изначально. В таких условиях настаивать на том, что директор, избранный недостаточным большинством, в действительности не есть «надлежаще уполномоченное лицо» для целей определения того, выбыло имущество по воле или против воли юридического лица, — явная непоследовательность.

Кроме того, в случае следования позиции ВАС РФ неясным остается и вопрос о разграничении между директором, сведения о котором внесены в ЕГРЮЛ, и директором, сведения о котором внесены не были. От этого вопроса нельзя отмахнуться словами о том, что до внесения сведений в ЕГРЮЛ фигура руководителя «юридически индифферентна третьим лицам, основывающим свои знания о контрагенте на сведениях ЕГРЮЛ» [18, с. 95]. Встречающиеся в научной литературе призывы к расширению размещаемых в ЕГРЮЛ сведений о лицах, которые могут выступать от имени юридического лица, вплоть до возможности публиковать в ЕГРЮЛ информацию о тех, кому от имени юридического лица была выдана доверенность [8], также требуют однозначного ответа на этот вопрос. Недостаточно сказать, что «до включения сведений о... [директоре] в ЕГРЮЛ дове-

рие третьих лиц к его полномочиям не будет защищено правом» и что «риск ошибки... лежит на контрагенте» [17], если при этом не объяснить, как защититься в случае включения сведений о директоре в ЕГРЮЛ «помимо воли» юридического лица.

Возможно, попыткой разрешить этот вопрос следует считать встречающиеся в доктрине осторожные рассуждения о том, что «при оценке добросовестности [контрагента юридического лица] следует иметь в виду все конкретные обстоятельства, в том числе личность контрагента и характер сделки», и о том, что существуют ситуации, когда «с учетом личности контрагента и характера сделки... защита контрагента возможна с опорой на абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ (полномочие из обстановки)» [17].

Действительно, согласно давней позиции ВАС РФ полномочия работников представляемого юридического лица на совершение юридически значимых действий могут явствовать из обстановки, в которой они действовали [24, абз. 3 п. 5], а в последующей правоприменительной практике можно достаточно уверенно выделить обстоятельства, очевидно свидетельствующие для третьих лиц об обладании определенным лицом полномочиями действовать от имени другого: а) наличие у совершающего юридически значимые действия доступа к печати юридического лица (кроме случаев, когда представлены доказательства, что печать выбыла из обладания организации помимо ее воли [25]) и б) совершение юридически значимых действий в месте, недоступном для случайных третьих лиц (собственный склад юридического лица, офис, принадлежащий компании). Наличие данных характеристик у лица, сведения о котором были неправомерно внесены в ЕГРЮЛ, говорит, как минимум, о пассивном (упречном) поведении участников корпорации и назначенного ими надлежащим образом руководителя, однако данное обстоятельство было проигнорировано высшими судебными инстанциями и не нашло значительных откликов в последующей литературе.

В результате можно заключить, что в настоящее время отечественная правоприменительная практика в лице высших судебных инстанций предоставляет приоритет «внутренним» интересам участников юридического лица перед «внешними» интересами контрагентов в случае наличия серьезных пороков в решении об избрании директора юридического лица. Таковой приоритет предоставляется без учета всех возможных аспектов соответствующих отношений (в том числе обстановки), а также без надлежащего постоянства в части следования

другим позициям ВС РФ, в результате чего такой подход работает не только против рейдеров, для борьбы с которыми, очевидно, он и был в свое время выработан, но и против любых, в том числе добросовестных, третьих лиц, что не может не работать против интересов гражданского оборота в целом.

Если мы обратимся к регулированию этого вопроса в зарубежных правовых системах, то не сможем не заметить иногда значительное расхождение в способах решения этого вопроса по сравнению с отечественной практикой. Так, в Германии законодатель различно подошел к решению этой проблемы в зависимости от того, идет речь про торговые или чисто гражданские правоотношения. В § 58 Германского гражданского уложения (ГГУ) [26] законодатель закрепил, что объединение может сослаться на произошедшие в составе членов правления изменения только в том случае, когда таковые были зарегистрированы и третье лицо об этих изменениях знало или должно было бы узнать, не прояви оно неосторожность. Как видно, в данном случае немецкий законодатель всецело защищает третьих лиц, не требуя от них даже в порядке исключения сверяться со сведениями в реестре [27, р. 84].

Иначе подошел к этому же вопросу немецкий законодатель в торговом праве, закрепив в § 15 (абз. II) Германского торгового уложения (ГТУ) [28] прямо противоположную фикцию знания об опубликованных фактах (в некоторых случаях – по истечении 15 дней после опубликования). В § 15 (абз. III) ГТУ немецкий законодатель пошел еще дальше, постаравшись закрепить принцип, в соответствии с которым все мнимые представители, если сведения о них были в установленном порядке опубликованы, должны быть приравнены к представителям действительным. Как гласит ныне данное установление: «Если подлежащий регистрации факт опубликован неверно, то лицу, в чьих интересах подлежал регистрации указанный факт, третье лицо может противопоставить эту публикацию, кроме случая, когда оно знало о неправильности».

Данной цели, однако, немецкому законодателю достичь не удалось, поскольку немецкие правоведы в большинстве своем отвергли его стремление, посчитав, что такая защита третьих лиц «повлекла бы необратимые последствия» [29, с. 44]. Вместо этого они решили, что применяться данная норма может только в том случае, когда «заинтересованное лицо дало какой-либо повод к опубликованию неправильных сведений» (так называемый принцип причинения), заклеив стремление следовать буквальному смыслу текста закона «сумасбродной по-

пыткой министерских бюрократов обойти закон» [29, с. 45].

Что же касается полномочий из обстановки, то соответствующие правила §§ 177, 179 ГГУ, единые как для лиц гражданского права, так и для лиц торгового права [27, р. 216], толкуются в соответствии с приведенной выше логикой: действия «*falsus procurator*» создают обязательства для общества только в случае их последующего одобрения без каких-либо исключений, связанных с наличием публичного реестра [15, с. 273; 27, р. 234–235].

Во Франции регулированию интересующего нас вопроса посвящены ч. 2 ст. 1846-2 Французского гражданского кодекса 1804 года (ФГК) [30] и ч. 1 ст. L.210-9 Торгового кодекса 2000 года [31], которые гласят: «Ни товарищество, ни третьи лица не имеют права с целью уклонения от своих обязательств сослаться на несоблюдение порядка назначения лиц, на которых возлагаются обязанности управления или руководства товариществом, когда сведения об этом назначении были опубликованы в установленном порядке» [32, с. 146].

Распространяется ли действие приведенного правила также на случаи, когда сама публикация являлась следствием мошеннических действий третьих лиц, из текста самого правила установить невозможно, однако ответ на этот вопрос был дан в решении гражданской палаты Кассационного суда Франции от 26 октября 2023 года.

Обстоятельства дела были следующие: общество и третье лицо заключили между собой договор аренды, по которому было обременено принадлежащее обществу недвижимое имущество. Со стороны общества договор был подписан управляющим (*le gérant*), чьи полномочия, как выяснилось позднее, были основаны на сфальсифицированном протоколе. Ввиду этого обстоятельства другой управляющий общества обратился в суд, требуя от третьего лица освободить имущество, ведь договор аренды был подписан лицом, надлежаще не уполномоченным представлять общество. Когда спор дошел до Кассационного суда, последний пришел к выводу [33], что целью правил ст. ст. 1846-2 и L.210-9 является защита третьих лиц, у которых «отсутствуют иные средства, кроме правил о гласности (*publicité légale*) для проверки правильности назначения лица, представляющегося как управляющий», и что это положение не зависит от характера нарушения, лежащего в основании решения о назначении управляющего. Если признать решение о назначении такого управляющего не просто незаконным (*irrégulière*), а несуществующим (*inexistante*), что исключило

бы применение приведенных выше норм, то общество, несомненно, сможет оспорить совершенные от его имени таким управляющим акты, но это приведет к тому, что «смысл текста [ст. ст. 1846-2 и L.210-9] будет лишен всякого полезного эффекта» (*priverait d'effet utile la finalité de ce texte*). Этих соображений, посчитала гражданская палата, достаточно, чтобы заключить, что подделка решения о назначении управляющего «не приводит к тому, что решение становится несуществующим», так что, когда решение опубликовано, общество не может ссылаться на его неправомочность. Исключение составляет только случай сговора (*manoeuvres concertées*) между недобросовестным управляющим и третьим лицом.

Интересным представляется также подход французского правопорядка к соотношению понятий «публичная достоверность» и «полномочия из обстановки». Про последние после издания ордонанса от 10.02.2016 № 2016-131 говорит ст. 1156 ФГК: «Действие, совершенное представителем (*un représentant*) при отсутствии полномочий или при выходе за предоставленные полномочия, не связывает (*est inopposable*) представляемого (*au représenté*), кроме случаев, когда третья сторона на законных основаниях поверила (*a légitimement cru*) в действительность полномочий представителя (*en la réalité des pouvoirs du représentant*), в частности из-за поведения или заверений представляемого».

Не трудно заметить, что эта норма содержит в себе упоминавшийся выше применительно к немецкой доктрине «принцип причинения», однако он оказывается применим только к случаям представительства из обстановки или, как это называется во французском праве, – доктрине очевидного мандата (*mandat apparent*). Как и в немецком праве [29, с. 49], связанность действиями такого представителя возникает не в силу наличия вины в действиях представляемого (например, двусмысленно сформулированной доверенности), а в силу появления у третьей стороны законной веры, то есть сами обстоятельства должны позволять третьей стороне не проверять пределы предоставленных представителю полномочий (например, в силу того, что данное лицо ранее неоднократно размещало заказы у определенного перевозчика, которые в последующем всегда подтверждались, так что у этого перевозчика не было оснований проверять полномочия указанного лица в момент, когда от него поступил очередной заказ [34]).

Однако нас больше интересует вопрос о соотношении «очевидного мандата» и полномочий директора применительно к вопросу о том, может ли такое лицо связать компанию обяза-

тельствами. Рассмотрим конкретное дело: между упрощенным акционерным обществом *Océanis* и обществом с ограниченной ответственностью *Sofimo* возник спор, обязалось ли общество *Sofimo* выплатить 30 000 евро в пользу общества *Océanis* в связи с договором, который заключило общество *Océanis* с третьим лицом с целью обеспечить возможность осуществления обществом *Sofimo* жилищного строительства на участках, которые в его пользу продавало общество *Océanis*. Общество *Océanis* считало, что от имени общества *Sofimo* работником последнего был заключен договор, который предусматривал перечисления в пользу общества *Océanis* обозначенной суммы. Общество *Sofimo* против существования договора возражало, ссылаясь на то, что:

1) полномочиями действовать от имени общества обладает только управляющий, назначение и прекращение полномочий которого подчиняется правилам публичности, в результате чего применение теории очевидного мандата к таким отношениям невозможно;

2) обстоятельства должны позволять третьей стороне не проверять пределы предоставленных представителю полномочий, однако таковых в данном случае не было, поскольку наличие лишь одного сотрудника (не управляющего), который вел переписку по электронной почте от имени общества *Sofimo*, не может считаться достаточным доказательством наличия указанных обстоятельств.

Кассационный суд рассмотрел изложенные аргументы и в решении от 09.03.2022 пришел к следующим выводам [35]:

1) само по себе подчинение правилам публичности является недостаточным для вывода о невозможности применения теории очевидного мандата;

2) тот факт, что письма отправлялись сотрудником от имени общества *Sofimo* и сотрудник отвечал на письма, которые приходили на электронную почту общества *Sofimo*, а не на его собственную электронную почту, является достаточным, чтобы возникли законные основания считать наличие у такого сотрудника всех необходимых полномочий.

Для настоящего исследования наиболее ценным видится первый вывод, однако именно он был подвергнут наиболее серьезной критике. Так, Ж.-Б. Барбьери обращает внимание на то, что «функция правовой гласности» (*la fonction de la publicité légale*) как раз призвана к тому, чтобы «полезно (*utilement*) информировать третьи стороны» [36]. Конечно, г-н Барбьери понимает, что против этого можно возразить, что публичная достоверность это одно, а делегиро-

вание полномочий (*délégation de pouvoir*) – совсем другое; что «юридическая информация о том, что руководитель – это не то лицо, с которым вступает в отношения третья сторона, ничего не меняет» (*change quoī que se soit à cela*). Но и в таком случае указанный автор не понимает: почему, «даже если поведение работника не вызывает вопросов», контрагент «не мог обратиться непосредственно к руководителю общества»? Полностью доверять сотруднику, чтобы потом сослаться на очевидный мандат, кажется г-ну Барбьери слишком по-оппортунистски [36].

В Австралии правилам о публичной достоверности посвящена ст. 129 закона 2001 года «О корпорациях» [37], в которой одним из предположений (*assumptions*) об органах управления корпорацией является следующее: «всякий кто выступает – согласно информации, предоставленной компанией, что доступна общественности от Австралийской комиссии по ценным бумагам и инвестициям (ASIS) – в качестве директора или секретаря компании: а) был назначен надлежащим образом; и б) имеет полномочия осуществлять права и выполнять обязанности, обычно осуществляемые или выполняемые директором или секретарем аналогичной компании» (ч. 2 ст. 129). При этом в силу ч. 3 ст. 128 того же закона данное правило действует (*may be made*) даже в тех случаях, когда должностное лицо или представитель компании действуют обманным путем (*fraudulently*) или подделывают документ в связи со сделками. Исключения составляют только случаи, когда контрагент во время совершения сделки знал или подозревал (*suspected*) о недостоверности соответствующих предположений (ч. 4 ст. 128).

Другое зафиксированное в чч. 5 и 6 ст. 129 закона Австралии о корпорациях предположение касается уже полномочий из обстановки и гласит, что лицо может полагать, что документ (в том числе скрепленный печатью) был надлежаще оформлен компанией, если он внешне подписан (*appears to have been signed*) в соответствии с ч. 1 ст. 127 данного закона, то есть подписан двумя директорами компании, директором и секретарем компании или (для частных компаний, в которых единоличный директор является также единоличным секретарем компании) только директором. Важна также содержащаяся в этих частях оговорка о том, что достаточно вслед за подписью указать на то, что подписывающее лицо является единоличным директором и секретарем компании, чтобы у другой стороны возникли основания сделать предположение, что лицо занимает обе этих должности.

Приведенное правило может показаться частным случаем закрепленного в п. б ч. 2 этой же статьи правила, однако в действительности это правило гораздо шире, так как правоприменительная австралийская практика не требует при совершении предусмотренного данной нормой предположения обращаться к данным, содержащимся в ASIS, то есть не требует проведения проверки личности тех, кто подписывает документ; достаточно, чтобы документ внешне был подписан уполномоченным лицом [38, р. 262–263].

Это может показаться крайним снижением требуемой от контрагентов хозяйственных субъектов осмотрительности, то есть являться, как пишут Н. Саади и Т. Мак-Клинтон (*N. Saady and T. McClintock*), «ударом по компаниям» (*a blow to companies*), допускающим появление ситуаций, когда «действительно постороннее компании лицо (*a true stranger to a company*) создает правдоподобно выглядящий документ и дает его подписать третьему лицу, тем самым связывая (*binding*) компанию» [38, р. 269]. Несомненно, что такая, как это называют указанные авторы, «крайняя ситуация» (*an extreme example*) выглядит вполне возможной, равно как верно и то, что едва ли «всякий такой [недобросовестный] представитель будет "глубоким карманом" (*deep pocket*), способным удовлетворить любой долг по судебному решению» [38, р. 270], однако этот путь дает возможность свободнее вступать в правоотношения с юридическим лицом, не опасаясь *неожиданных* последствий.

Все изложенное позволяет прийти к выводу, что различные правопорядки во всем мире стремятся повысить доверие к сведениям, содержащимся в публичных реестрах о юридических лицах. В отличие от отечественного правопорядка, в котором правила о достоверности размещенных в ЕГРЮЛ данных толкуются через призму ст. 302 ГК РФ, вышеупомянутые и иные аналогичные зарубежные правопорядки не переносят вещные правила в сферу корпоративных отношений, уделяя вместо этого большее внимание вопросу оценки поведения контрагента. Подход, выработанный отечественными правоприменителями, привел в итоге лишь к формированию противоречий: оказались возможны запутанные ситуации, когда одновременно некоторые действия считаются совершенными как «помимо воли» юридического лица, поскольку совершившее их лицо не было надлежащим образом назначено директором, так и не «помимо воли» юридического лица, поскольку назначение руководителя невозможно оспорить, а значит, и определить в кон-

кретный момент лицо, которое представляет интересы юридического лица, также невозможно. Зарубежные правовые порядки, рассматривая вопрос о наличии или отсутствии законной видимости полномочий для третьего лица, заранее исключают возможность вынесения противоречивых решений, делая тем самым правовой порядок более предсказуемым и благоприятным для всех, в том числе для участников юридического лица. Встречающееся иногда противодействие этому порядку (например, в Германии) вызвано отнюдь не неизвестными другим правовым порядкам аргументами, а скорее присущему некоторым правоведом консерватизму.

Учитывая изложенное, представляется разумным внести некоторые коррективы в отечественное регулирование для достижения надлежащего баланса между «внутренними» и «внешними» интересами в корпорации. Необходимо отказаться от взгляда, что наличие серьезных пороков в решении об избрании директора является безусловным основанием для вывода о «юридической ничтожности» совершаемых им актов; более отвечающим интересам правового порядка будет учет проявленной третьим лицом осмотрительности при вступлении в правоотношения с конкретным субъектом. Допускаем, что степень этой необходимой осмотрительности может предполагать больше чем просто получение выписки из ЕГРЮЛ (например, учет того, имело ли выступавшее от имени корпорации доступ к печати корпорации), однако такая осмотрительность в любом случае должна зависеть только от поведения самого контрагента или иного третьего лица, а не являться проявлением «случая».

Осуществление обозначенной коррективы требует в обязательном порядке пересмотра данного в абз. 2 п. 22 Постановления № 25 толкования абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ. Мы можем предложить следующий вариант, учитывающий основные выводы настоящего исследования:

«Юридическое лицо не вправе в отношениях с лицом, полагавшимся на данные ЕГРЮЛ, ссылаться на данные, не включенные в указанный реестр, а также на недостоверность данных, содержащихся в нем, за исключением случаев, когда такому лицу известно или должно быть известно о неполноте или недостоверности указанных данных, в том числе о включении последних в указанный реестр в результате неправомерных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица».

Коррективы в абз. 2 п. 122 Постановления № 25 могут быть внесены по аналогии с правилами, предложенными выше.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая – четвертая // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 31 (часть I). Ст. 3431.
3. <Письмо> ФНС России от 23.08.2006 № ГВ-6-14/846@. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=62818> (дата обращения: 05.02.2024).
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // Бюллетень ВС РФ. 2021. № 5.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.
8. Мамагешвили В.З. Полномочия представителей юридического лица: как обеспечить осведомленность участников оборота // Хозяйство и право. 2020. № 6. С. 91–108.
9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 декабря 2007 года № 10665/07 по делу № А40-57495/06-6-335 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 4.
10. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 июня 2009 г. № 2417/09 по делу № А40-77124/06-105-576 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9. С. 240–243.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) // Бюллетень ВС РФ. 2023. № 10.
12. Устав Крымской Винной Компании // Свод законов Российской империи. Уставы Государственного Благоустройства. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. С. 484–489.
13. Черепяхин Б.Б. Органы и представители юридического лица // Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2020. С. 468–477.
14. Филипенко В. Итоги корпоративного права в 2023 году / О сокращении интереса к корпоративному праву // Закон.ру. 2023. 22 декабря. URL: https://zakon.ru/blog/2023/12/22/itogi_korporativnogo_prava_v_2023_godu_o_sokraschenii_interesa_k_korporativnomu_pravu (дата обращения: 25.03.2024).
15. Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. М.: Статут, 2016. 383 с.
16. Болдырев В.А. Понятие и частноправовое значение регистрационных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1.
17. Зайцев О.Р. Дела о защите от действий лица, выступавшего в качестве директора организации при отсутствии у него таких полномочий (комментарий к

Постановлениям Президиума ВАС РФ от 02.06.2009 № 2417/09, от 03.11.2009 № 9035/09, от 22.12.2009 № 9503/09 // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2009 год с комментариями / Под ред. А.А. Иванова. М.: Статут, 2012. С. 13–22.

18. Забоев К.И. Публичная достоверность Единого государственного реестра юридических лиц и воля юридического лица // Закон. 2015. № 3. С. 94–120.

19. Назыков А.Л. О виндикации имущества, отчужденного директором компании помимо ее воли, или в каких случаях действия директора не являются выражением воли компании (британский опыт для российской практики) // Закон. 2013. № 1. С. 157–167.

20. Гербутов В., Масленников Е. К вопросу о юридической силе действий неправомочно назначенного генерального директора // Корпоративный юрист. 2010. № 1.

21. Дедов Д.И. Дело «Торговая фирма «Флора 21 век» против общества «Альком-Строй». Комментарий // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2007 год с комментариями / Под ред. А.А. Иванова. М.: Статут, 2012.

22. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020) // Бюллетень ВС РФ. 2021. № 3.

23. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 5.

24. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 23.10.2000 № 57 «О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2000. № 12.

25. Определение Высшего Арбитражного суда РФ от 18.04.2011 № ВАС-4670/11 по делу № А50-37028/2009. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/58f059d6-06e8-40dc-a7aa-3f1f6ae2965e/0d002a85-efec-4734-8e8d-b74e4b46b92c/A50-37028-2009_20110418_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.04.2024).

26. Bürgerliches Gesetzbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 21.07.2024).

27. German Civil Code. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Volume I. Books 1–3: §§ 1–1296. Article-by-Article Commentary / Ed. by G. Dannemann, R. Schulze. München: Verlag C. H. Beck oHG, Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2020. XXVIII, 2322 p.

28. Handelsgesetzbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/hgb/index.html> (дата обращения: 21.07.2024).

29. Канарис К.В. Торговое право: Учебник. Мюнхен: Книгоиздательство К.Х. Бек, 1995. XVIII, 610 с.

30. Code civil [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 24.04.2024).

31. Code de Commerce [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/ (дата обращения: 21.07.2024).

32. Коммерческий кодекс Франции. М.: Волтерс Кулвер, 2008. 1272 с.

33. Cass. 3e civ., 26 oct. 2023, n° 21-17937. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000048283886> (дата обращения: 21.07.2024).

34. Cass. com. 15-3-1984 n° 82-15.081: Bull. civ. IV n° 106. Полный текст решения доступен по ссылке: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT00007013576> (дата обращения: 24.04.2024).

35. Cass. com. 9 mars 2022 n° 19-25.704. URL: <https://www.courdecassation.fr/decision/6228523d590661fa1d597d22> (дата обращения: 24.04.2024).

36. Barbièri J.-B. Mandat apparent: oblige qui ne peut pas. URL: <https://www.cci-paris-idf.fr/fr/prospectiv/creda/mandat-apparent-oblige-qui-ne-peut-pas> (дата обращения: 24.04.2024).

37. Corporations Act 2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A00818/2019-07-01/text> (дата обращения: 24.04.2024).

38. Saady N., McClintock T. To Assume or Not to Assume: An Analysis of the Statutory Indoor Management Assumptions in SS 127–30 of the Corporations Act 2001 (Cth) and Recent Cases Dealing With Them // Australian Journal of Corporate Law. 2018. № 33. P. 250–274.

PROTECTION OF CORPORATE RIGHTS FROM THE ACTIONS OF COLORABLE BODIES

V.K. Levashov

The paper examines the approach to protecting the interests of legal entity members from the actions of unauthorized bodies that has been established in Russian law colorable practice in the part determined by the problem of the relationship between the internal interests of the corporation's members and the external interests of the corporation's counterparties. The author comes to the conclusion that the «in rem» rules used in the Russian legal order do not contribute to the establishment of a proper balance and give rise to contradictions and uncertainties in civil commerce. Based on foreign experience, the author proposes to exclude the presence of serious flaws in the decision to elect the director of a legal entity from the grounds for concluding that the actions committed by such a person are null and void; instead, the author proposes to pay more attention to taking into account the prudence shown by a counterparty when entering into legal relations with a legal entity.

Keywords: juridical persons, representation, good faith, public authenticity, director, quasi-director.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation: Part one – four // CL RF. 1994. № 32. Art. 3301.

2. Federal Law № 129-FL dated 08.08.2001 «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» // CL RF. 2001. № 31 (Part I). Art. 3431.

3. <Letter> of the Federal Tax Service of Russia dated 23.08.2006 № GV-6-14/846@. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=62818> (Date of access: 05.02.2024).
4. The Civil Procedure Code of the Russian Federation // CL RF. 2002. № 46. Art. 4532.
5. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation // CL RF. 2002. № 30. Art. 3012.
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 4 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 23, 2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. № 5.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 № 25 «On the application by Courts of certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8.
8. Mamageshvili V.Z. Powers of representatives of a legal entity: how to ensure awareness of turnover participants // Economy and law. 2020. № 6. P. 91–108.
9. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 18, 2007 № 10665/07 in case № A40-57495/06-6-335 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2008. № 4.
10. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 2, 2009 № 2417/09 in case № A40-77124/06-105-576 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. № 9. P. 240–243.
11. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 (2023) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 26.04.2023) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. № 10.
12. The Charter of the Crimean Wine Company // Code of Laws of the Russian Empire. Charters of State Landscaping. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1832. P. 484–489.
13. Cherepakhin B.B. Bodies and representatives of a legal entity // Cherepakhin B.B. Proceedings on civil law. M.: Statute, 2020. P. 468–477.
14. Filipenko V. Corporate law results in 2023 / On reducing interest in corporate law // Law.ru. December 22, 2023. URL: https://zakon.ru/blog/2023/12/22/itogi_korporativnogo_prava_v_2023_godu_o_sokraschenii_interesa_k_korporativnomu_pravu (Date of access: 25.03.2024).
15. Egorov A.V., Papchenkova E.A., Shirvindt A.M. Representation: a study of judicial practice. M.: Statute, 2016. 383 p.
16. Boldyrev V.A. The concept and private legal meaning of registration actions // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. № 1.
17. Zaitsev O.R. Cases on protection from the actions of a person who acted as director of an organization in the absence of such authority (commentary to Resolutions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 02.06.2009 № 2417/09, dated 03.11.2009 № 9035/09, dated 22.12.2009 № 9503/09) // Legal positions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: Selected resolutions for 2009 with comments / Edited by A.A. Ivanov. M.: Statute, 2012. P. 13–22.
18. Zaboiev K.I. Public reliability of the Unified State Register of Legal Entities and the will of a legal entity // Law. 2015. № 3. P. 94–120.
19. Nazikov A.L. On the vindication of property alienated by the director of the company against her will, or in which cases the actions of the director are not an expression of the will of the company (British experience for Russian practice) // Law. 2013. № 1. P. 157–167.
20. Gerbutov V., Maslennikov E. On the issue of the legal validity of the actions of an unlawfully appointed CEO // Corporate Lawyer. 2010. № 1.
21. Dedov D.I. The case of the Flora 21st Century Trading Company VS the Alcom-Stroy society. Commentary // Legal positions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: selected rulings for 2007 with comments / Ed. by A.A. Ivanov. M.: Statute, 2012.
22. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 25.11.2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. № 3.
23. Review of judicial practice on some issues of the application of legislation on business entities // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 5.
24. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 23.10.2000 № 57 «On some issues of the practice of applying Article 183 of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2000. № 12.
25. Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 18.04.2011 № VAS-4670/11 in case № A50-37028/2009. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/58f059d6-06e8-40dc-a7aa-3f1f6ae2965e/0d002a85-efec-4734-8e8d-b74e4b46b92c/A50-37028-2009_20110418_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (Date of access: 24.04.2024).
26. Bürgerliches Gesetzbuch [Electronic resource]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (Date of access: 21.07.2024).
27. German Civil Code. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Volume I. Books 1–3: §§ 1–1296. Article-by-Article Commentary / Ed. by G. Dannemann, R. Schulze. München: Verlag C.H. Bech oHG, Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2020. XXVIII, 2322 p.
28. Handelsgesetzbuch [Electronic resource]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/hgb/index.html> (Date of access: 21.07.2024).
29. Kanaris K.V. Trade law: Textbook. Munich: K.H. Beck Publishing House, 1995. XVIII, 610 p.
30. Code civil [Electronic resource]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LE-GITE_XT000006070721/ (Date of access: 24.04.2024).
31. Code de Commerce [Electronic resource]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITE_XT000005634379/ (Date of access: 21.07.2024).
32. Commercial Code of France. M.: Volters Kulver, 2008. 1272 p.
33. Cass. 3e civ., 26 oct. 2023, n° 21-17937. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000048283886> (Date of access: 21.07.2024).

34. Cass. com. 15-3-1984 n° 82-15.081: Bull. civ. IV n° 106. The full text of the decision is available at the link: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT00007013576> (accessed: 04/24/2024).

35. Cass. com. 9 mars 2022 n° 19-25.704. URL: <https://www.courdecassation.fr/decision/6228523d590661fa1d597d22> (Date of access: 24.04.2024).

36. Barbière J.-B. Mandat apparent: obligé qui ne peut pas. URL: <https://www.cci-paris-idf.fr/fr/prospecti>

[ve/creda/mandat-apparent-obligation-qui-ne-peut-pas](https://www.cci-paris-idf.fr/fr/prospective/creda/mandat-apparent-obligation-qui-ne-peut-pas) (Date of access: 24.04.2024).

37. Corporations Act 2001 [Electronic resource]. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A00818/2019-07-01/text> (Date of access: 24.04.2024).

38. Saady N., McClintock T. To Assume or Not to Assume: An Analysis of the Statutory Indoor Management Assumptions in SS 127–30 of the Corporations Act 2001 (Cth) and Recent Cases Dealing With Them // Australian Journal of Corporate Law. 2018. № 33. P. 250–274.